

Приют, сияньем муз одетый,
Младым Языковым воспетый,
Когда из капища наук
Явился он в наш сельский круг
И нимфу Сороти прославил,
И огласил поля кругом
Очаровательным стихом,
Но там и я свой след оставил...

В середине мая 1829 года Николай Языков навсегда покинул Дерпт, решив сдавать кандидатские экзамены в Московском университете. После остановки в Белокаменной, где он был желанным гостем известной литературной семьи Елагиных-Киреевских, поэт отправился в отчий край. Здесь, как он и надеялся, ожила его Муза, и лучшие творения он послал в Москву Ивану Киреевскому, в том числе «Пловца», который появился в альманахе «Денница» и получил высокую оценку И. Киреевского. Такую же высокую оценку стихам дал Пушкин в «Литературной газете» от 25 февраля 1830 года. Весной этого года, когда Александр Сергеевич прибыл в Москву повидать Наталью Гончарову, произошла его встреча с Языковым – первая за четыре года. Зато теперь они встречались часто.

23 августа Николай Языков вместе с Александром и Львом Пушкиными, И.И. Дмитриевым, П.А. Вяземским, М.Н. Погодиным проводил в последний путь «парнасского отца» Пушкина – его дядю Василия Львовича.

В это трудное и сложное время Языков создает чудесную элегию «На смерть няни А.С. Пушкина». Любовно воспроизведя картины общения с няней памятным летом 1826 года в Михайловском, Николай Михайлович дал обет посетить кладбище, где покоится ее прах.

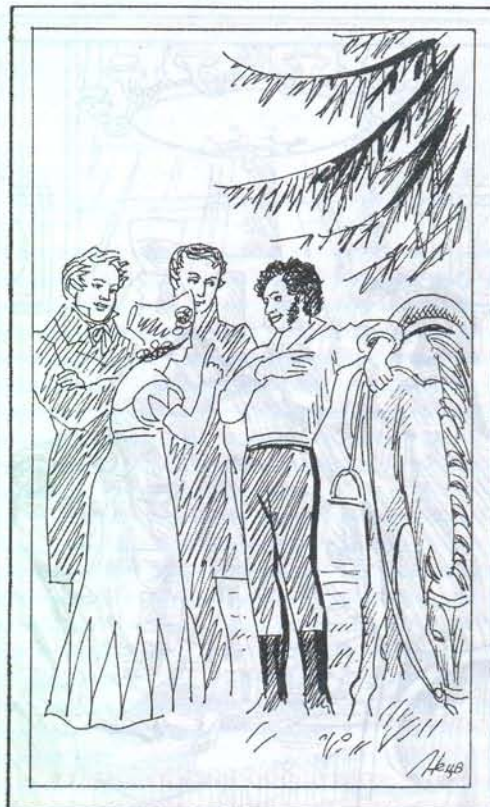
О хорошей осведомленности в делах Пушкина и добром отношении к его творчеству говорит и письмо к брату Александру в Симбирск от 20 декабря 1830 года: «Пушкин здесь; он во время холеры сидел в деревне и написал множество стихов и прозы: две последние главы «Онегина», несколько отрывков драматических, критик, эпиграммы на Булгарина, статей полемических и проч. Вот каково!»

В разгар приготовления Пушкина к бракосочетанию пришло скорбное известие из Петербурга о кончине Антона Дельвига – давнего, еще с лицейской поры, друга Пушкина. Глубоко скорбел об этой утрате и Языков, поддерживавший дружеские отношения с Дельвигом.

Между тем день свадьбы Пушкина приближался, и 17 февраля состоялся мальчишник – прощание его с холостяцкой жизнью. Среди приглашенных были: брат поэта Лев Сергеевич, П. Нащокин, Д. Давыдов, Е. Баратынский, П. Вяземский, И. Киреевский и, конечно же, Н. Языков. На мальчишнике Николай Языков познакомился с Денисом Васильевичем Давыдовым. Кстати, имение поэта-партизана в селе Верхняя Маза Сызранского уезда Симбирской губернии соседствовало с владениями мужа сестры Языкова – П.А. Бестужева. Денис Васильевич, хоть и был на 20 лет старше Николая Михайловича, уверял его, что никакой другой поэт «не имеет дара» так волновать душу, возвышать ее, «умножать бодрость духа и жажду к битвам и славе», как он, Языков.

В середине мая молодая чета Пушкиных переехала в Петербург. Языков же, по приглашению Елагиных, переселился к ним на дачу в Ильинское, что в 20 верстах от Москвы. Здесь главным его занятием стало собирание народных песен, которые предполагалось вместе с Петром Киреевским издать отдельной книгой.

Этой же осенью Иван Киреевский, подбадриваемый Языковым, затеял издание журнала «Европеец». Пушкин узнал об этом начинании в октябре 1831 года и писал

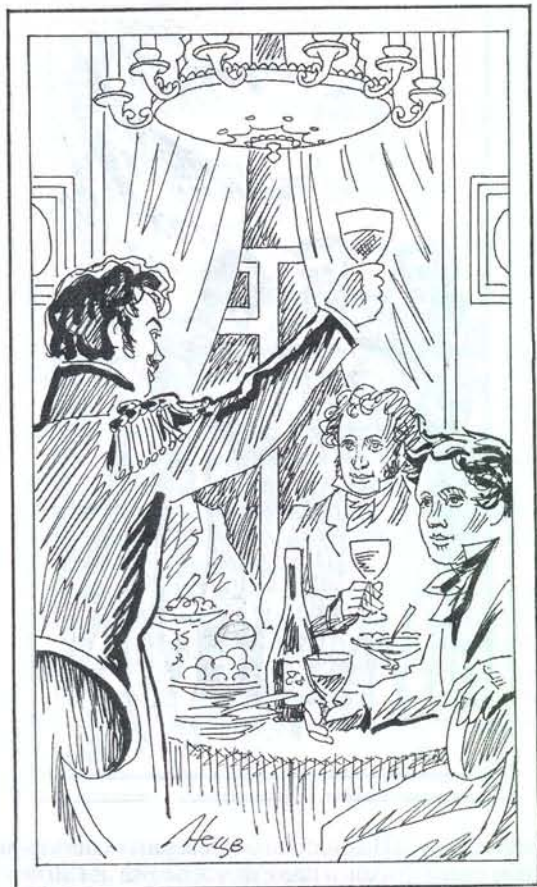
П. Вяземскому: «Похлопочи о «Северных цветах», пришли нам своих стихов и проз, да у Языкова нет ли чего? Я слышу, они с Киреевским затевают журнал; с Богом!»

Николай I, познакомившись с первой книжкой «Европейца», разгневался на И. Киреевского за намеки на «свободу» и конституцию. «Европеец» был запрещен. К этому печальному событию добавилось в то же время страшное известие о смерти матушки. Николай Михайлович какое-то время совершенно уединился от мира. В первых числах мая он отправился на лето в Языково. На родине он кропотливо собирал по деревням народные песни и вовлек в это благородное дело братьев и сестер. Киреевские, Баратынский, Пушкин не забывали его.

4 января 1833 года цензура дала добро Н.М. Языкову на издание его сборника стихотворений, а в феврале поэт получил уже авторские экземпляры. По его поручению Комовский разослал томики «Стихотворений» Крылову, Пушкину, Гоголю, Далю и другим чтимым литераторам. Языков с нетерпением ждал отзыва Пушкина, а тот уже готовился к путешествию в Поволжье и на Урал...

7 августа царь дал разрешение, а 11-го титулярный советник Александр Пушкин получил «Свидетельство», удостоверяющее увольнение в отпуск на четыре месяца в Казанскую и Оренбургскую губернии. В первом же письме к жене, отправленном 18 августа из Торжка, Александр Сергеевич выражает надежду, что ответ на него найдет в Симбирске.

По прибытии в Симбирск – это случилось 9 сентября – поэт остановился у губернатора А.М. Загрязского (дальнего родственника Натальи Николаевны) и получил у него письмо от жены. В этот и на следующий день Александр Сергеевич побывал на Венце, повидал особняк Карамзиных, дворец Пустынникова в Троицком (ныне Краснотрактном) переулке, где граф Панин допрашивал пленного Емельяна Пугачева, а затем останавливалась

Екатерина Великая и вблизи которого симбирское дворянство намеревалось поставить памятник историографу государства Российского.

Так как Николая Языкова в губернском городе не было, Пушкин утром 11 сентября помчался в родовое имение Языковых, находившееся в 65 верстах западнее Симбирска. Увы, и там друга-поэта тоже не оказалось: Николай Михайлович с братом Александром занимался записями народных песен и сказаний в Сызранском уезде, где проживала их сестра П.М. Бестужева.

29 сентября, на обратном пути из Оренбурга, Пушкин вновь заехал в Языково. В письме к жене в Петербург он сообщал: «Проезжая мимо Языкова, я к нему заехал, застал всех трех братьев, отобедал с ними очень весело, ночевал и отправился сюда».

30 сентября А.С. Пушкин покинул Языково, пообещав братьям зимою «быть в Симбирске ... по окончании в Болдине работы над «Историей Пугачева». Работу над рукописью «История Пугачева» и даже поэму «Медный всадник» довелось завершить к середине ноября, но неотложные семейные дела, а также царский указ о пожаловании в камер-юнкеры вынудили поэта находиться в столице не только зиму, но и весну, и лето 1834 года. Лишь осенью он принимает решение выехать в Болдино, чтобы в глуши без помех творить задуманное.

Перед отъездом Пушкин встретился в Москве с Александром Михайловичем Языковым, который пожаловал сюда за покупками в связи с предстоящей женитьбой на Наталье Наумовой. Поэт взял слово у брата своего друга, что тот по дороге в Симбирск завернет к нему в деревню.

26 сентября Александр Языков прибыл в Болдино. Пушкин познакомил его со своими новинками и показал «Историю Пугачева», несколько сказок в стихах и ис-

торию рода Пушкиных. Просматривая «Историю Пугачева», Александр Языков с удовлетворением подметил, что почти вся 2-я часть будущей книги состоит из представленных ими, Языковыми, материалов, в том числе и рукописи академика П.И. Рычкова. Пока гость был занят чтением, хозяин, стоя у конторки, сочинил письмо Николаю Языкову: «Я был обрадован в моем уединении приездом Александра Михайловича, который, к сожалению, пробыл у меня несколько часов. Блазнит он меня предложением ехать с ним в село Языково, быть свидетелем его свадьбы, обещаясь употребить меня с пользою — но мне невозможно — жена и дети...»

Между тем Николай Языков, жестоко страдавший в Симбирске от обострения различных хворей, вынужден был выезжать на лечение к известному гомеопату А. Петерсону в Пензу. Здесь поэт написал послание Денису Давыдову и опубликовал его в «Московском наблюдателе» в августе 1835 года. Это стихотворение, по рассказу Н.В. Гоголя, произвело огромное впечатление на Александра Сергеевича: «Живо помню восторг его... В первый раз увидел я тогда слезы на лице Пушкина».

Кстати, в это время поэт-партизан особенно сблизился с Николаем Языковым и в связи с тем, что сам-то регулярно посещал Москву и Петербург, выполнял роль связного между Языковым и Пушкиным. Так в марте 1836 года, вернувшись из очередного столичного вояжа, Денис Васильевич нагрянул в Языково и с присущим ему юмором поведал братьям Языковым о встречах с П. Вяземским, В. Жуковским, И. Крыловым. С гордостью сообщил о том, что получил из рук автора «Историю Пугачевского бунта», передал дружеский привет от Пушкина и его просьбу поддержать своими стихами «Современник».

Языков был искренне рад сбывшемуся стремлению первого поэта России иметь свой печатный орган. «Я был у Языкова, — сообщал Пушкину Д. Давыдов 6 апреля 1836 года, — он готов и поступает под знамена твои...» Поэт с благодарностью отзывался: «Я надеюсь на Николая Языкова, как на скалу».

Насколько теплые чувства питал он к Языкову, видно из письма, которое было отправлено Пушкиным через несколько дней после похорон своей матушки, Надежды Осиповны, в Святогорском монастыре: «Отгадайте, откуда пишу Вам, мой любезный Николай Михайлович? Из той стороны, где ...ровно тому десять лет пировали мы втроем — Вы, Вульф и я; где звучали Ваши стихи, и бокалы с женой, где теперь вспоминаем мы Вас — и старину. Поклон Вам от холмов Михайловского, от сеней Тригорского, от волн голубой Сороти, от Евпраксии Николаевны, некогда полувоздушной девы, ныне дебелой жены... Поклон Вам ото всего и ото всех Вам преданных сердцем и памятью! Алексей Вульф здесь же, отставной студент и гусар, усатый агроном, тверской Ловлас — по-прежнему милый, но уже перешагнувший за тридцатый год. Пребывание мое во Пскове не так шумно и весело ныне, как во время моего заточения, во дни, как царствовал Александр. Но оно так живо мне Вас напомнило, что я не мог не написать Вам несколько слов в ожидании, что и Вы откликнитесь, Вы получите мой «Современник»; желаю, чтоб он заслужил Ваше одобрение. Из статей критических моя одна: о Конисском. Будьте моим сотрудником непременно. Ваши стихи: вода живая; наши — вода мертвая; мы ею окатили «Современника». Опрысните его Вашими кипучими каплями. Послание к Давыдову — прелесть! Наш боец чернокудрявый окрасил было свою седину, замазав и свой белый локон, но после ваших стихов опять его вымыл — и прав. Это знак благоговения к

поэзии. Прощайте — пишите мне, да кстати уж напишите и к Вяземскому ответ на его послание... Будьте здоровы и пишите. То есть: «живи и жить давай другим»... Пришлите мне, ради бога, стих об Алексее божием человеке и еще какую-нибудь легенду. Нужно».

Послание пришло в Языково накануне дня именин (9 мая) Николая Михайловича и явилось драгоценным подарком. Из писем сестры Екатерины, только что помолвленной с поэтом и философом А.С. Хомяковым, Языкову стало известно, что в эти дни она встречала в Москве Пушкина, который ей «ужасно понравился» и «решительно» очаровал ее. «Жаль, — сообщала она 19 мая брату-поэту, — что он (Пушкин. — Ж.Т.) дня через три едет, но, впрочем, он обещает возвратиться к моей свадьбе и будет очень мил, если сдержит слово. Он любит вас и Батюшку (так иногда называли младшие Языковы старшего брата Петра. — Ж.Т.) ужасно; весь вечер почти говорил об вас и непременно обещал напоить вас пьяным на свадьбе».

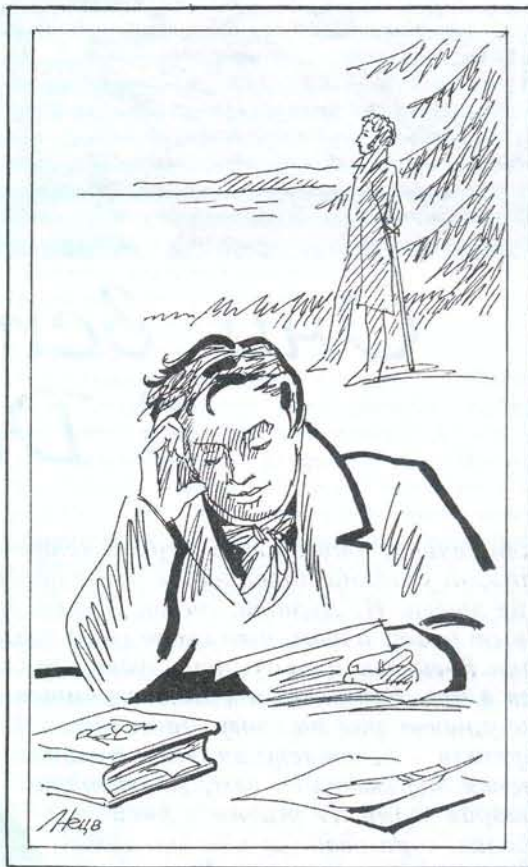
Николай Михайлович был сердечно тронут как дружеским письмом Пушкина, так и его добрым отношением и к братьям, и к сестре Екатерине. «Спасибо вам, что вы обо мне вспомнили в Тригорском... Тогда я был легок!.. — с благодарностью писал Николай Языков 1 июня в ответ на пушкинское послание. — Ваш «Современник» цветет и красуется: жаль только, что выходит редко, лучше бы книжки поменьше, да чаще. Я пришлю вам стихи. — Что делать мне с «Жар-птицей»? Я вижу, что этот род не может иметь у нас полного развития; я хотел только попробовать себя: теперь примусь за большее».

Я собираюсь в Белокаменную, на свадьбу сестры, — повезу туда и всю «Птицу». Мне пишут, что вы опять будете в Москве — дай Бог мне с вами там съехаться... Легенду об Алексее божием человеке я послал к брату для передачи вам: это не то, ее должно взять у Петра Киреевского, сличенную со многими списками...»

Опасения Николая Михайловича относительно судьбы «Птицы» оказались напрасными: Пушкин поместил ее под названием «Драматическая сказка об Иване-Царевиче, Жар-птице и Сером волке» во втором томе «Современника» (1836, июль). Но этим летом, когда Н. Языков приезжал-таки в Москву на свадьбу сестры Екатерины с Алексеем Степановичем Хомяковым, резко ухудшилось его здоровье (даже писание писем стало для него непосильным бременем). Все усилия врачей мало чем помогли, и в Симбирск он вернулся в начале 1837 года тяжело больным... И не прошло и двух недель с того дня, как поэт вместе с братом Александром и его женой Натальей Александровной обосновались в отчем доме на Спасской улице, как в Симбирск пришла весть о трагической гибели Александра Сергеевича Пушкина. Горестно переживая гибель великого поэта и глубоко осознавая значимость всеобщей утраты, братья Языковы, с помощью родных и близких знакомых в Москве и Петербурге, собрали самые разнообразные и достоверные сведения о подоплеке рокового поединка, последних днях жизни Александра Сергеевича, похоронах и откликах на случившееся.

Николай Языков считал, что Пушкину давно надо было удалиться от суеты и интриг высшего света в Михайловское или Болдино, чтобы целиком отдаться во власть таланта и вдохновения. В письме к Алексею Вульфу от 12 июля 1837 года, вспомнив, что некогда они вместе гуляли на Псковщине с «бессмертным Пушкиным», Николай Михайлович попросил: «Поклонись за меня его праху, когда будешь в Святогорском монастыре».

Один из томов «Стихотворений» издания 1845 года предназначался баронессе Евпраксии Николаевне Врев-

ской (летом 1826 года она была Зиной Вульф), которая прислала поэту свой девичий альбом, чтобы он своей рукой вписал некогда обещанные стихи. Николай Михайлович с радостью выполнил просьбу, вспомнив гостеприимство семьи Вульфов:

Когда прекрасно, достохвально
Вы угощали нас, двоих
Певцов, — и был один из них
Сам Пушкин (в оны дни опальный
Пророк свободы), а другой...
Другой был я, его послушник,
Его избранный, и подручник,
И собутыльник молодой.
Как хорошо тогда мы жили!

Отправляя Алексею Вульфу 17 мая 1846 года альбом с этим посланием к его сестре, поэт тепло вспомнил далекое-близкое, связанное с Александром Пушкиным: «Да, мой любезнейший Алексей Николаевич! Ровно двадцать лет прошло уже с того времени, как мы отправлялись из Дерпта в Тригорское: много с тех пор воды утекло, много нет, многих нет! Мы постарели! Но честь и слава нам, мы не изменили ни самим себе, ни друг другу!»

26 декабря 1846 года надорванное многолетними страданиями сердце Николая Михайловича Языкова остановилось... На 44-м году, до обидного рано, оборвалась жизнь замечательного поэта. «В нем, — писал П. Вяземский в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1847, № 91), — угасла последняя звезда пушкинского созвездия, с ним навсегда умолкли последние отголоски пушкинской лиры».